

ПРОСТИТУЦИЯ И НУЖДА В МОСКВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

А.Н. Кузнецова, магистрант

**Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, г. Москва)**

DOI:10.24412/2500-1000-2022-7-2-29-35

***Аннотация.** Проституция с незапамятных времен была неотъемлемой частью любого промышленного центра. Органам городского управления на протяжении многих веков приходится разрабатывать меры по регуляции этого явления, чтоб не допустить его разрушительного влияния на общество. Ведь помимо прочего, проституция способствовала распространению венерических болезней, а также плотно переплеталась с преступностью. В статье анализируется состояние института проституции на рубеже XIX – XX веков (в период легализации) в одном из крупнейших городов России. Особый акцент сделан на рассмотрение проституции, как результата крайней нужды, в самых неприглядных её проявлениях. В заключение сделаны выводы об успехах системы регламентации.*

***Ключевые слова:** регламентация проституции, врачебно-полицейский комитет, санитарный надзор за проституцией, публичные дома, венерические болезни.*

Проституция – серьезная социальная проблема, с давних времен требовавшая контроля со стороны государства. Проституция в дореволюционной России была легализована «Положением» от 1843 года, принятом при Николае I по инициативе министра внутренних дел Л.А.Перовского. Основной причиной принятия данного указа можно считать попытку урегулировать высокие темпы распространения венерических заболеваний. По данным медицинских исследований, в середине XIX века, число заболевших по всей стране в год превышало 1.000.000. Легализация же подразумевала обязательный врачебно-полицейский контроль над всеми официально зарегистрированными проститутками, что должно было уменьшить распространение болезней, передающихся половым путем. Регламентация быстро распространялась по стране и всего за полвека успела затронуть большинство городов России. По данным 1899 года, лишь в 33 местах медицинский надзор отсутствовал полностью [1]. У введения легализации были причины и более философского характера. Так известный в те годы врач, основатель российской школы венерологии, В.М. Тарновский выдвигал презумпцию о неизлечимости проституции. Он полагал, что истоки проституции кроются в самом

человеческом начале, поэтому искоренить её не представляется возможным. Эту точку зрения разделяли и другие врачи, видя виной проституции, в общем, и распространения венерических заболеваний, в частности, саму человеческую природу. Так Н.П. Мансуров на совещательном собрании 15 марта 1887 года дал такое определение сифилису: «сифилис бытовая болезнь русского народа, тесно связанная с его культурным уровнем» [2]. Раз искоренить зло невозможно, то необходимо его контролировать.

Уже в октябре 1844 году в Москве был учрежден врачебно-полицейский комитет, ровно через год после создания аналогичного заведения в Санкт-Петербурге. Основными задачами комитета был контроль над распространением венерических заболеваний, поэтому меры, им проводимые, это: врачебно-полицейский контроль над зарегистрированными проститутками, врачебный надзор за рабочим классом и обязательная проверка выезжающих из Москвы рабочих, во избежание распространения болезней по другим городам. С 1853 года Московский врачебно-полицейский комитет состоял из обер-полицеймейстера, главного врача больницы чернорабочих, трех полицмейстеров и чиновника от Генерал-Губернатора, заведу-

ющего делопроизводством. Помимо них членами комитета являлись штатные и сверхштатные врачи, отвечающие за проверки в определенных районах города, закрепленных за ними. Они обязаны были регулярно вести список девушек на своем участке и еженедельно проверять их на предмет наличия половых инфекций. Девушек, живущих в домах терпимости, там и осматривали, одиночек до 1870 года проверяли в больнице для чернорабочих, а позже – на частных квартирах или в специальных санитарных пунктах. Особое скопление последних отмечалось на Драчевке, где в те годы было большое число домов терпимости и квартир индивидуалок.

Оказание помощи лицам, успевшим заразиться венерическими заболеваниями, проходило преимущественно в трех больницах: Мясницкой и 1 и 2 Городских. Наибольшая нагрузка ложилась на Мясницкую больницу чернорабочих, принимавшую около 400 человек ежегодно. При этом она не способна была помочь всем нуждающимся и около 1000 человек получали отказы (1149 отказов за 1878 год) [2]. Во время максимальной занятости учреждения поступали на лечение только пациенты в наиболее тяжелом состоянии. К тому же из-за нехватки мест, далеко не все оставались в больнице до полного выздоровления, которое могло занимать много месяцев и даже длиться больше года. Конечно, при таком раскладе сложно говорить об ощутимом продвижении в искоренении венерических заболеваний. Медицинские осмотры, которые должны были предупреждать болезнь, также помогали мало. На практике они проводились спешно, так как один врач должен был осмотреть за смену несколько десятков девушек. По данным доклада доктора Штюмерера: «Смотрят часто в помещениях, где проститутку нельзя ни раздеть, ни осмотреть её половых органов. Зачастую осмотры производятся наскоро, в темном помещении, вдобавок еще фельдшером или акушеркой» [3]. Конечно, в таких условиях обнаружить болезнь на ранней стадии было практически невозможно. Поэтому ме-

ры, предпринимаемые в сфере медицины, не давали ощутимых результатов.

Всё это вело к постепенным изменениям санитарной системы. В 1875 году в Москве был разработан проект по изменению системы медицинского надзора с выработкой особого «Московского Санитарного бюро». Он был создан после ревизии домов терпимости и выявления их капитальных недостатков. Согласно этому проекту, при городской управе был учрежден санитарный отдел, особое внимание уделявший контролю над медицинскими визитами девушек и увеличивший число санитарных врачей на пунктах (ранее на всю Москву приходилось лишь 5-7 проверяющих). В ходе реализации проекта санитарный надзор за проституцией перешел в ведение Московского городского управления в 1887 году [4]. Дополнительно в 1889 году было назначено два ревизора при оберполицейстере, которые следили за соблюдением правил публичной гигиены. На их содержание из городских средств ежегодно выделялось 4400 рублей, которые делились поровну между обоими сотрудниками [2]. Интересен тот факт, что несмотря на то, что содержание врачебного комитета требовало внушительных финансовых вложений, Городская Дума отказывалась в выделении пособий из городских сумм на его деятельность. Поэтому, несмотря на предпринятые меры, нельзя сказать, что санитарная ситуация в корне изменилась.

Поговорим непосредственно о процедуре регистрации девушек. По разъяснению Уголовного Департамента Правительствующего Сената от 3 февраля 1888 года, девушки обязаны были добровольно вставать на врачебно-полицейский контроль, не под действием принуждения. На бумаге это звучало вполне гуманно, однако на практике выбора у женщин не было, так как в противном случае они попадали под 44 статью уголовного кодекса (о наказании тайной проституции). Так почему же большинство женщин по-прежнему предпочитало скрывать свой род деятельности (о чем говорит абсолютное преобладание тайной проституции в городе), не вставая на учет? Во-первых, при освидетельство-

вании проститутка фактически лишалась своих гражданских прав. Так как у неё изымался паспорт, взамен которого выдавался медицинский билет или санитарная книжка, содержащий личные данные обладательницы, её фото и информацию о прохождении медицинских осмотров. В массовой культуре такой документ известен как «желтый билет». Во-вторых, обитательницы домов терпимости попадали под жесткий контроль хозяйки дома, от которой они находились в полной финансовой зависимости. Руководство часто плохо относилось к своим подчиненным. Побои со стороны хозяек и их любовников были привычным делом во многих дешевых домах терпимости. Иногда в борделях низшего сорта девушек заставляли грабить подвыпивших гостей под угрозой физического насилия. В-третьих, сотрудницы борделей, не меньше, чем тайные проститутки, были подвержены риску приобретения венерических заболеваний, так как единственная предупреждающая заражение мера – осмотр нижнего белья и половых органов посетителя перед оказанием услуг. Сам медицинский осмотр был довольно унижен, хоть, по свидетельствам, и занимал обыкновенно меньше минуты. Ну и наконец, уход из профессии и получение обратно паспорта было довольно сложной процедурой. Для этого необходимо было выйти замуж, перейти на попечение к родственникам или же устроиться на службу в какое-либо ремесленное заведение. Как мы понимаем, для женщин, которых жизненные трудности довели до торговли собственным телом, эти задачи были довольно непростыми. Так в 1846 году из около 2000 поднадзорных проституток, замуж вышло 30. В 1848 году из 1253 женщин вышедших замуж было лишь 13, на услужение в фабричные заведения поступило 118 девушек [3]. К сожалению, наибольшее число проституток исключалось из списков в результате собственной смерти.

Рассмотрим подробнее тех, на кого были направлены меры регуляции. Изначально, после принятия положения, под надзором комитета было не так много женщин. В исследовании М. Кузнецова

можно найти следующие данные: «...не смотря на все усилия, которые принимались вновь организованным врачебно-полицейским-комитетом, в первое время его деятельности, для открытия женщин, тайно промышлявших в Москве, и для подчинения их медико-полицейскому надзору, комитет имел под своим надзором, в первой половине 1845 года, только 919 проституток» [3]. Постепенно это число росло и уже в 1846 году под надзором состояло уже около 2000 женщин. Стоит понимать, что женщины, встававшие под надзор, принадлежали преимущественно к низшему классу, так как получить контроль над девушками, имеющими деньги и богатых покровителей, полиции было не под силу. Желающих же вступить в ряды официальной проституции было не так много, как мы уже убедились выше. Поэтому эти цифры даже близко не отражают реальной картины.

Проституция в Москве делилась на несколько видов. Первый – это, конечно, официальная публичная проституция. Девушки находились в ведении домов терпимости и их ремесло не был ни для кого не секретом. Сюда же относились проститутки-одиночки, которые работали в собственных квартирах или в специально снятых меблированных комнатах. Они представляли собой самую многочисленную часть зарегистрированных проституток (63,8% от всех девушек). Со временем количество домов терпимости в Москве стало сокращаться. За одно только десятилетие с 1889 по 1898 год их число упало со 111 до 68. Это ещё больше увеличило разрыв между количеством бордельных проституток и одиночек. Второй вид – тайная, незарегистрированная проституция. Этот тип был самым распространенным и разнообразным, особенно в Москве, где условия регламентации были существенно мягче, чем в ряде других российских городов. Именно тайная проституция несла в себе больше всего опасностей для клиента, она же была наиболее разнообразной. Во-первых, к ней относились представители крайней бедности, беспризорные или бродячие женщины, отдающие себя за копеечную плату или еду. Они не имели соб-

ственного жилья, проводили дни в питейных заведениях, а клиентов обслуживали в ночлежках. Во-вторых, представителями тайной проституции можно считать и их противоположность – богатых содержанок (их стали называть «камелиями» после выхода романа А. Дюма «Дама с камелиями»), которые хоть и не отождествляли себя с проститутками, но по факту продавали себя за материальные блага высшего общества. Сюда же можно отнести и некоторых актрис и танцовщиц, оказывающих дополнительные услуги по окончании выступления. После потери былой привлекательности они не редко переходили в разряд официальной проституции и становились обитательницами домов терпимости низшего класса.

Какие же причины толкали женщин к подобному роду деятельности? Одна из основных причин – это, конечно, нужда. Так масштабные опросы проституирующих женщин в 1896 году показали: «..., что большая половина объяснившихся перед комитетом женщин попала в омут, запутавшись в цепях нужды, в тисках крайности, не имея места занятий» [5]. При этом нельзя сказать, что в случае нехватки финансов девушки сразу выбирали путь торговли телом. По результатам того же опроса 67,2% проституток имели ранее иной честный заработок. Однако плата на некоторых должностях была настолько ничтожной, что продажа своего тела со временем становилась не столь отталкивающей альтернативой. Так в 1885 году отчеты фиксировали, что заработок фабричной работницы в Московской области составлял в среднем 8 рублей, в то время как заработок мужчины на аналогичных должностях – 18,5 рублей в месяц [6]. Подобной суммы было недостаточно для выживания, не говоря уже о доступе к предметам роскоши, манивших многих дам. По официальным данным один процент от всех фабричных работниц позже переходил на путь проституции. Этим пользовались торговцы «живым товаром», ездившие по фабричным центрам и забиравшие оттуда молодых девушек в публичные дома. Местные агенты заранее отбирали подходящие кандидатуры. Прибывшие

торговцы вызывали девушек на разговор в трактир, якобы для обсуждения найма на хорошее место, поили водкой, «забалтывали», вследствие чего легко выбивали согласие на увольнение, после чего увозили в дом терпимости. Агенты на фабриках получали от 1 до 3 рублей за каждую девушку. Чтоб понять приблизительный масштаб подобных преступных сделок обратимся к историко-профилактическому этюду Анатолия Сабинина, в котором утверждалось, что: «С одной только Морозовской мануфактуры увезено в течение трех лет несколькими торговцами 50 молодых и красивых девушек» [7]. Довольно большие масштабы для одного места, а ведь был и ряд других.

Так же немалую роль при вступлении на путь порока играли и нравственные причины. Существовал в те годы значительный процент девушек, работавших ранее прислужкой, а после обманутых и опроченных своими хозяевами. Вследствие чего некоторые не видели для себя иного выхода и способа заработка. Не случайно именно прислуга составляла большую часть от общего числа зарегистрированных проституток. Около 6% (7.923) от общего количества домашней прислуги позже становилось официальными проститутками. Та же участь ждала и неопытных девушек из бедных семей, которых опорочили, совратив обещаниями о хорошей жизни, богатые любовники. Так социальный опрос 272 московских проституток в 1889 году показал: «в 39 случаях виновниками дефлорации были офицеры, в 23 – купцы, в 15 – помещики; 14 случаев дали студенты и 5 – гимназисты, 13 – чиновники, 8 фабриканты, 5 – врачи, 3 – адвоката 2 артиста и 1 – духовенство» [5]. При этом сами девушки были из низших социальных слоев. Подобные сюжеты широко распространены и в художественной литературе того времени. Так в рассказе Антона Павловича Чехова припадок можно встретить такие строки, передающие разговор лирического героя и публичной женщины: «- Сейчас у меня с моей дамой, пока мы плясали, был разговор, - рассказывал медик, когда все трое вышли на улицу. – Речь шла об её первом романе. Он, герой – какой-то

бухгалтер в Смоленске, имеющий жену и пятерых ребят. Ей было 17 лет и жила она у папашы и мамашы, торгующих мылом и свечами. – Чем же он победил ее сердце? – спросил Васильев. – Тем, что купил ей белья на пятьдесят рублей. Чёрт знает что!» [8]. Некоторые представительницы профессии вообще не выбирали такой путь, а были втянуты в проституцию обманом, прельщенные фальшивыми благодетелями. Особенно незащищенными перед сводниками были осиротевшие молодые девушки, или же дамы, приехавшие в крупный город, и не имевшие там родственников или друзей, готовых прийти на помощь. В некоторых промышленных центрах существовали целые бюро, дававшие в газетах объявления о выгодных способах заработка, а по факту вербовавшие доверчивых безработных женщин в публичные дома.

Как мы уже отметили, девушки шли в проституцию не от хорошей жизни. Некоторые вступали на путь порока в совсем юном несознательном возрасте. Так в Москве из 957 опрошенных проституток одна начала свою карьеру с 11 лет, 5 – с 12 лет [9]. Если брать статистику по всей России, то данные обследования 1889 года показали: «...более половины считают началом своей карьеры возраст моложе 18 лет, 23% начали проституировать не достигши 16 лет, в 3,6% общего числа моложе 14 лет,..., а около 15% женщин были изнасилованы» [10]. Немалую роль так же играло воспитание и отроческая жизнь в общем до прихода в проституцию. Жизнь в неблагополучной семье делала путь к порочному образу жизни куда проще, лишая излишних моральных сомнений. Беспорочное детство, не нашедшее поддержку со стороны родителей, ставило девушек-подростков в уязвимое положение. Этот тезис подтверждает упомянутая статистика 1896 года. В ней отмечено, что 83% всех проститутирующих женщин вышли из крайне бедных семей, регулярно испытывавших нужду; 18% вовсе не имели родственников. Там же было выявлено и преобладающее число «пришлой» проституции (около 68,3) [10]. Девушки приезжали в большой город, в надежде найти

достойный заработок, но попадали в сети сводников или просто сбивались с пути. После чего и оседали в домах терпимости, где хотя бы кормили, одевали и выдавали заработную плату.

Однако и в публичных домах жизнь была далеко не сладкой. Поговорим немного о правилах, установленных для публичных женщин и содержательниц домов терпимости на основе инструкций и правил московского врачебно-полицейского комитета, утвержденных министром внутренних дел 4 июня 1846 года. Публичные дома могли быть открыты только с разрешения полиции. Хозяйкой имела право стать женщина средних лет (от 30 до 60), она обязана была вести списки всех работниц и предоставлять их полиции, а также заполнять расчетную книгу для контроля всех финансовых операций. Только поступившие девушки должны были сразу быть оформлены и подвержены медицинскому освидетельствованию. Публичный дом обязан был содержаться в чистоте с соблюдением всех санитарных норм. Жестокое отношение к работницам, намеренное прерывание их беременности и насильственное удержание девушек запрещалось. Сами же публичные женщины должны были регулярно проходить врачебные осмотры, строго соблюдать правила личной гигиены, визуально проверять половые органы клиентов на наличие признаков венерических заболеваний, не покидать дом без медицинского билета и незамедлительно обращаться в больницу в случае недомогания [3]. Есть сомнения, что все эти правила работали на практике. По свидетельствам современников, отношение к девушкам часто было грубым: они подвергались побоям и насильственно удерживались хозяевами. «Проститутку домов терпимости везде ожидает одна и та же непробудно-грязная жизнь, вечное издевательство и надругательства... Если они несогласны исполнять малейшие прихоти содержателей и содержательниц заведений, в которых живут, то их опаивают, морят голодом или бьют... Таким образом, ни одна девушка не может выйти без ведома их на улицу» [7]. Как мы видим, официальные правила диссонируют с тем,

как описывают исследователи жизни в домах терпимости. Однако в художественной литературе тех лет упоминалось и довольно хорошее отношение к обитательницам публичных домов:

«- Вы в котором часу ложитесь спать?

- В шестом.

- А встаете когда?

- Когда в два, а когда и в три.

- А вставши, что делаете?

- Кофий пьем, в седьмом часу обедаем.

- А что вы обедаете?

- Обыкновенно... Суп или щи, биштекс, десерт. Наша мадам хорошо содержит девушек. Да для чего вы всё это спрашиваете?» [8]

Исходя из этих разнящихся данных, сложно выяснить, были ли ужасные картины издевательств над девушками явлением повсеместным, или же скорее являлись исключением из правил в домах терпимости самого низшего сорта. Однако, они определенно имели место быть в отдельных заведениях.

В завершение разберемся, давал ли весь комплекс мер положительные результаты. Поскольку основной задачей регламентации стояла борьба с венерическими инфекциями, то попробуем сделать выводы, исходя из статистики заболеваемости. По данным Александровской больницы с 1880

года по 1885 год – от публичных женщин по-прежнему заражалось различными половыми инфекциями около 2.929 человек. Из них только на дома терпимости приходилось 1.713 случаев [5]. Соответственно регулярные медицинские осмотры на практике не смогли остановить распространение заразы. Сторонники идей аболиционизма (отмена любых регуляций по отношению к проституткам) наоборот считали, что подобная медицинская система только усугубляла ситуацию. Она давала мужчинам чувство ложной безопасности, заставляющее чаще прибегать к услугам проституток. Однако, на практике риск по-прежнему был велик. Девушка, признанная здоровой на прошлой неделе, могла успеть заразиться и передать болезнь следующему клиенту. Относительную безопасность могло обеспечить посещение непосредственно в день осмотра, но, после знакомства с системой врачебных освидетельствований, становится понятно, что и они не давали абсолютной гарантии о здоровье пациентки. Сложно сказать, функционировала бы система лучше в случае увеличения финансирования и числа медицинских врачей. Полагаю, что даже при таком раскладе, она столкнулась бы с множеством нюансов, мешающим реализации в полной мере.

Библиографический список

1. Труды Комиссии по рассмотрению дела о врачебно-полицейском комитете в Москве в связи с проектом общей организации надзора за проституцией в империи. – СПб.: Тип. Министерства Внутренних дел, 1899. – 11 с.
2. ЦГА Москвы. Ф. 179 (Московское городское общественное управление (Управа и Дума), г. Москва). Оп 21. Д. 892
3. Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1871. – 268 с.
4. Поспелов А.И. Новая система надзора за проституцией в Москве // Русская медицина. – №33. – 6 с.
5. Броннер В.М. Проституция в России: Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в Р.С.Ф.С.Р. – М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. – 108 с.
6. Лебина Н.Б. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). – М.: Прогресс-Академия, 1994. – 219 с.
7. Сабинин А.Х. Проституция: Сифилис и венерические болезни. Половое воздержание. Профилактика проституции: Ист.-профилактик этюд. – СПб.: тип. П.П. Сойкина, 1905. – 264 с.
8. Чехов А.П. Припадок: рассказы. – М.: АСТ, 2010. – 382 с.
9. Цеткин К. Чего хотят женщины? – М.: Алгоритм, 2014. – 237 с.
10. Василевская Л.А. Проституция и Новая Россия. – Тверь: Октябрь, 1923. – 84 с.

PROSTITUTION AND NEED IN MOSCOW IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

A.N. Kuznetsova, *Graduate Student*
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

***Abstract.** Prostitution has been an integral part of any industrial center for many years. Governments had to regulate this phenomenon in order to prevent its destructive impact on society. Besides prostitution contributed to the spread of sexually transmitted diseases, and it was also closely intertwined with crime. The article analyzes the state of the prostitution at the turn of the XIX-XX centuries (during the period of legalization) in Moscow. Special emphasis is placed on the prostitution as a result of extreme need, in its most unpleasant manifestations. To sum up there are conclusions about the success of the regulatory system.*

***Keywords:** regulation of prostitution, medical and police committee, sanitary supervision of prostitution, brothels, venereal diseases.*